

The Fate of the Socialist Revolutionaries in the Yaroslavl Region during the 1920s-1930s

N. V. Tikhomirov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-2-194-201

Research article
Full text in Russian

The article highlights the major events in the political and social activity of the Yaroslavl Socialist Revolutionaries who played a significant role in the revolutionary movement of the early 20th century in the region. Special attention is paid to their experience during the post-October period when the SRs faced the pressure from the state having a tragic impact on their lives in the new ideological and political terms.

Keywords: Socialist Revolutionaries; party; Soviets; arrest; sentence; fate

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tikhomirov, Nikolay V. | E-mail: nvlad76@mail.ru
Cand. Sc. (History), Associate Professor

Судьбы социалистов-революционеров Ярославского края в 1920–1930-е гг.

Н. В. Тихомиров¹

¹Ярославский государственный университет им П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-2-194-201
УДК 908

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены вехи партийной и общественной деятельности ряда ярославских социалистов-революционеров, оставивших свой заметный след в революционных событиях начала XX в. в крае. Ключевое внимание уделено их положению в послеоктябрьский период, когда в новых идеологических и политических условиях давление со стороны государства трагическим образом оказало непосредственное влияние на их судьбы.

Ключевые слова: социалисты-революционеры; партия; Советы; арест; приговор; судьба

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тихомиров, Николай | E-mail: nvlad76@mail.ru
Владимирович | Кандидат исторических наук, доцент

Июльские события 1918 г. в Ярославле стали своего рода отправной точкой преследований и арестов местными коммунистами их политических оппонентов – эсеров, причем как правых, так и левых представителей ранее единой партии социалистов-революционеров. Архивные документы свидетельствуют, что немало эсеров после июля 1918 г. находилось под арестом или наблюдением Губчека [1]. Данный вопрос до сих пор лишь фрагментарно затронут в краеведческой литературе и требует более детального изучения.

Долгое время считалось, что в числе советских служащих, погибших в июле 1918 г., был член земельного отдела губисполкома и губернский военный комиссар левый эсер Александр Флегонтович Душин. Однако архивные материалы опровергают это утверждение. Со времени указанных событий и практически до конца 1920 г. он содержался в каземате Губче-

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ка по обвинению в агитации против Советской власти. Согласно протоколу № 68 от 7 октября 1920 г. заседание Губернской чрезвычайной комиссии приняло решение: «Дело производством прекратить, Душина из каземата Губчека освободить, <...> установить за Душиным негласное наблюдение» [1, л. 15]. Но, несмотря на данное решение, А. Ф. Душин так и не был освобожден. На одном из следующих заседаний Губчека было постановлено: «Душина, находящегося в каземате комиссии, заключить в концлагерь на 6 месяцев, зачислив содержание за Губчека» [1, л. 20]. О дальнейшей его судьбе ничего не известно.

После процесса над эсерами в 1922 г. бывшие члены партии некоторое время не подвергались жестким репрессивным мерам со стороны властей. Но, как показывают архивные материалы, властные структуры продолжали испытывать по отношению к ним подозрительность и не допускать их к участию в политической жизни. В 1920-е гг. бывшие эсеры часто попадали в списки лишенных избирательных прав, то есть лишались права избирать и быть избранными в Советы. Именно так был лишен права голоса на выборах 1924 г. бывший член эсеровской организации, крестьянин Ростовского уезда Кораблев. Избирательная комиссия аргументировала решение его критическими выступлениями против власти. Как показывают документы, непосредственной причиной было его активное участие в эсеровской организации в прошлом [2].

Справедливо полагая, что причина, по которой его лишили права голоса, не подпадает ни под статьи Конституции, ни под статьи избирательной инструкции, Кораблев начал активно ходатайствовать о восстановлении в избирательных правах. Последовало его обращение во ВЦИК Советов. 25 мая 1925 г. комиссия по рассмотрению жалоб лишенных избирательных прав восстановила его в правах. Информация под грифом «секретно» была отправлена в Ярославскую губернскую избирательную комиссию. Примечательно, что избирком, вынужденный согласиться с таким решением ВЦИК, сообщил в скрытом донесении в Ярославское ГПУ о необходимости установить за Кораблевым, как за бывшим эсером и политически неблагонадежным, негласное наблюдение [3].

В следственных делах 1920–1930-х гг. содержатся частые обвинения в «контрреволюционной эсеровской агитации и пропаганде», «контрреволюционной эсеровской организационной деятельности». Одна лишь только принадлежность в прошлом к эсеровским организациям служила для следственных органов, особенно в 1930-е гг., достаточным основанием для приговоров к отбыванию «наказания» в исправительно-трудовых лагерях или расстрелу. Отметим, что автобиографические сведения бывших эсеров, являющиеся частью следственных дел, нередко коррелируют с информацией в периодической печати революционного времени, данными Ярославского губернского жандармского управления и т. д. Эти материалы в определенной степени дополняют друг друга, что способствует

созданию более или менее полной картины деятельности того или иного человека.

Из числа изученных нами следственных дел того времени выделяются несколько, освещающих судьбы ярославских эсеров, так или иначе проявивших себя в политической и общественной жизни Ярославля и губернии. К ним относится Людмила Христофоровна Минеева (1888–1938), являвшаяся в 1917 г. секретарем губернского комитета партии эсеров. За принадлежность в прошлом к партии эсеров Л. Х. Минеева первый раз была привлечена следственными органами в 1925 г. Тогда она говорила о себе, что, обучаясь в 1904–1906 гг. в старших классах Мариинской женской гимназии Ярославля, у нее «при общем в то время общественном подъеме остро пробудился интерес к социальным вопросам» [4]. По ее словам, «частью из газет, прокламаций и попадавшей в руки нелегальной литературы узнала о революционных партиях (социалистах-революционерах, социал-демократах и других), борющихся за социализм». Она поставила себе цель «во что бы то ни стало попасть в среду революционеров» и вступила в общество распространения грамотности при библиотеке им. Н. А. Некрасова, где действовала эсеровская группа. Л. Х. Минеева отмечала при этом, что «особенно подробно в программе этой партии <...> компетентна не была», но одно слово «революционер» для нее было «высшим достижением» [5, с. 70].

В 1906 г. Л. Х. Минеева подверглась аресту за хранение нелегальной литературы. Полицией при обыске в ее квартире были найдены такие издания, как «Коммунистический союз», «Хроника социалистического движения в России. 1878–1887», «Аграрный вопрос», «Стихотворения Амари», один из номеров журнала «Былое» за 1906 г. Около полутора лет она провела в Коровницкой тюрьме Ярославля, где содержались другие представители социалистических партий. Позднее Л. Х. Минеева находилась под надзором полиции, а в 1912 г. значилась в охранной переписке Ярославского жандармского управления за принадлежность к местной группе партии социалистов-революционеров [6].

На следствии в 1925 г. она сообщала, что в 1918 г. покинула ряды партии, но, «так как до революции наша квартира являлась явочной <...> так и уже в послереволюционный период многие находящиеся <...> на нелегальном положении заходили к нам, ночевали, иногда жили по несколько дней» [5, с. 70]. На том же следствии Л. Х. Минеева назвала 25 членов партии эсеров, которых лично знала до Октябрьской революции, и пятерых, с которыми ей доводилось встречаться в более поздний период. В перечне значились В. А. Голодовников (председатель губкома партии эсеров в 1907 г.), глава рыбинских эсеров в 1905 г. А. Альшанский, председатель эсеровского губкома в 1917 г. В. А. Шестаков, его преемник на той же должности Н. А. Мамырин, лидер местных левых эсеров Я. Т. Богачев и другие [4, л. 2–3].

Каких-либо репрессивных мер по отношению к Л. Х. Минеевой тогда не было предпринято, но в 1933 г. по требованию органов ОГПУ она дала подписку о сотрудничестве. В 1938 г., согласно материалам следственного дела, Л. Х. Минеева сделала личное признание в том, что ранее скрывала факт ее участия в укрытии одного из участников июльского антисоветского выступления 1918 г. в Ярославле, лидера местных правых эсеров Н. А. Мамырина. Она заявляла, что «лично помогала Мамырину скрыться из Ярославля от неминуемого ареста по линии ЧК» [5, с. 71]. Это открывало ранее неизвестные факты биографии одного из самых активных в 1917–1918 гг. местных представителей правозэсеровского направления.

По ее словам, Мамырин появился у нее дома в удрученном состоянии за несколько дней до июльских событий и ничего не говорил о готовящемся выступлении против Советской власти. Уже в ходе указанных событий ей стало известно, что «Мамырин являлся одним из политических участников мятежа». Спустя некоторое время после подавления выступления Л. Х. Минеева узнала от неизвестного лица, что Мамырин, будучи раненым, лежит под фамилией Качурин в лазарете в здании Коммерческого училища и просит его посетить. В лазарете он заявил Л. Х. Минеевой, что «находится в кошмарном состоянии, так как участников восстания из лазарета увозят на расстрел, и что он на грани сумасшествия», и просил помочь организовать его отправку в Москву. Если верить материалам следственного дела, Л. Х. Минеева, по сути, помогла Мамырину бежать из города, предоставив ему деньги в размере 20 рублей, одежду и паспорт на чужое имя. По ее словам, паспорт в лазарете она «достала из груды паспортов умерших, так как эти паспорта <...> имели свободный доступ». По ее заявлению, о дальнейшей судьбе Н. А. Мамырина ей не было что-либо известно [4, л. 4; 5, с. 71]. Приговор к расстрелу в отношении Л. Х. Минеевой был приведен в исполнение 11 марта 1938 г. Реабилитирована она была 17 мая 1989 г. [7, с. 245].

Заметный след в политической жизни Ярославского края оставил уроженец деревни Нажеровка Белогостицкой волости Ростовского уезда Николай Иванович Комиссаров (1881–1937). В 1917 г. он являлся одним из руководителей губернского земельного комитета [8], был выдвинут кандидатом в члены Учредительного собрания от губернского Совета крестьянских депутатов [9], а в начале 1918 г. был избран в земельный отдел губисполкома от фракции левых эсеров [10].

В 1933 г. из-за голода, охватившего зерновые районы СССР, Н. И. Комиссаров попал в поле зрения ОГПУ. Он призвал колхозников не сдавать государству первый обмолот хлеба, а разделить его между наиболее нуждавшимися крестьянами. В обвинении против него указывалось, что Н. И. Комиссаров проводил в колхозе «контрреволюционную агитацию эсеровского направления», говоря даже на расширенном заседании правления колхоза, что «единственно правильной была и есть партия социали-

стов-революционеров <...>, что пора взяться за дело, за штык», что раньше крестьянство являлось собственником своей продукции, а «теперь все надо отдать государству, а самим голодать, в силу чего народ пухнет с голода» [11].

На допросах Н. И. Комиссаров грамотно аргументировал необоснованность предъявленных ему обвинений. Мы склонны верить содержанию документа, так как вряд ли сказанное Н. И. Комиссаровым было получено посредством применения силы или записано под диктовку следователей, поскольку слова обвиняемого представляли собой детальную критику политической и экономической действительности того времени. Он заявлял, что «крестьянство не имеет достаточных демократических свобод, в особенности в вопросе выборов в Советы депутатов от крестьян <...>, приходится выбирать не тех лиц, кого они хотят, а тех, кого предлагают коммунисты <...>, выборы в Советы и другие организации должны проводиться без всякого давления с чьей бы то ни было стороны на основе полной свободы выборщика, имеющего право выбирать».

В сфере экономики Н. И. Комиссаров считал неправильной ликвидацию частной торговли, потому что «сейчас на рынке ничего нет, а кооперация и государственная торговля не обеспечивают рынка». Он указывал на необходимость частной торговли, «особенно на предметы крестьянского потребления, а также на предметы крестьянского производства».

Несправедливость налоговой политики, по мнению Н. И. Комиссарова, особенно проявлялась в вопросе хлебозаготовок. Он говорил, что «по этим заготовкам от вышестоящих организаций давался крестьянам план <...> и на основе этого плана у некоторых крестьян отбирали все, <...> не оставляя на пропитание и семена». Он подчеркивал, что «поставка продуктов и хлеба должна быть с учетом удовлетворения полной потребности крестьянина, производителя этих продуктов».

Систему работы в колхозах Н. И. Комиссаров сравнивал с барщиной. Обвиняемый подчеркивал, что крестьянина «выгоняют на работу путем обхода по домам, со стуком в дверь, угрозами». Он указывал на несвоевременность проведения коллективизации, на необходимость «создать условия свободного, независимого от других труда каждого колхозника, отменив систему принуждения работать» [11, л. 6–8].

Подобный анализ советской действительности того времени стоил Н. И. Комиссарову трёх лет в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ). В августе 1937 г. он был арестован второй раз и в октябре того же года приговорен к 10-летнему отбыванию в ИТЛ. Обвинялся по статье 58, ч. 10 (контрреволюционная пропаганда и агитация) и ч. 11 (контрреволюционная организационная деятельность) УК РСФСР. 27 декабря 1937 г. Н. И. Комиссаров умер в Кулойлаге Архангельской области. Реабилитирован 27 апреля 1989 г. [12, с. 170, 438–439].

Видное место в политической и общественной жизни Ярославского края первой трети XX века принадлежит Ивану Павловичу Розову. В ряды партии эсеров он вступил еще гимназистом и вскоре попал под наблюдение полиции [13]. Во время Февральской революции занимал должность секретаря губернского комитета общественной безопасности, работал помощником старшего нотариуса, являлся председателем местного Союза чиновников [14]. В августе 1917 г. был избран в гласные Ярославской городской думы, где заведовал комиссией по арендным статьям, скотобойням, оценке фабрик для акциза. [15]. Затем возглавил отдел народного образования. Осенью 1917 г. являлся членом окружной комиссии по выборам в Учредительное собрание [16].

Летом 1918 г. И. П. Розов переехал в Мологу, а затем – в Рыбинск, где работал учителем русского языка и литературы в школе № 3 до ареста в 1938 г. В 1919 г. вступил в РКП (б), в которой состоял до 1921 г., когда его исключили из партии как бывшего эсера [17].

При аресте, в числе других лиц, ему было предъявлено обвинение в подготовке заговора против руководителей партии и правительства, а также в участии в июльских событиях 1918 г. в Ярославле против Советской власти. Первоначально И. П. Розов совершенно не признал предъявленных ему обвинений. Но позднее, не исключено, что под давлением следователей, он сознался во всем том, чего никогда не совершал. В итоге 6 октября 1938 г. за «преступления, предусмотренные статьей 58, ч. 8 и 11 УК РСФСР» его приговорили к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества, а после отбывания срока – к 5 годам поражения в правах. И. П. Розов отбыл лишь часть отведенного ему срока заключения. Согласно документу, приложенному к следственному делу, он умер 21 июля 1941 г. от воспаления легких [17, л. 12, 87 об, 89].

И. П. Розов оставил заметный след в общественной и культурной жизни Рыбинска. Он создал лучший в городе драматический кружок учащихся, имевший успех в школе и клубах, у шефов на предприятиях, на агитплощадках. Реабилитирован в 1958 г. [17, л. 96].

В Ярославле трагически закончилась жизнь бывшего члена Костромского губернского комитета партии эсеров, кандидата в члены Учредительного собрания Андрея Ивановича Зимина. В эсеровскую организацию он вступил в 1917 г. и поначалу стоял на позициях правого крыла партии. В 1918 г. перешел к левым эсерам, работал в сфере кооперации. Затем был привлечен советскими следственными органами. По возвращении из ссылки в 1934 г. переехал на место жительства в Ярославль вместе с одним из своих сыновей – Павлом Андреевичем, устроившимся работать на Нефтесиндикат [18].

Первым аресту подвергся П. А. Зимин. Был приговорен к расстрелу, который привели в исполнение 11 марта 1938 г., а 3 октября того же года расстреляли и его отца. Реабилитированы оба в 1992 г. [12, с. 29].

Несмотря на то что к настоящему времени различные аспекты деятельности социалистов-революционеров в пределах Ярославского края достаточно хорошо изучены, проблема судеб многих из них остаётся открытой. Это касается и наиболее известных местных представителей партии, игравших в крае весьма заметную роль в событиях начала XX в..

Ссылки

1. Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области. Ф. 1. Оп. 27. Д. 374. Л. 7–11.
2. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-1431. Оп. 1. Д. 540. Л. 10.
3. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-1431. Оп. 1. Д. 544. Л. 64, 68.
4. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-С3698. Оп. 2. Д. С-11931. Л. 2.
5. «Революционер» – высшее достижение. Людмила Христофоровна Минеева (1888–1938) // Ярославна. 1000-летию Ярославля посвящается: История успеха ярославских женщин. М.: Внешторгиздат, 2005. С. 70–71.
6. Государственный архив Ярославской области. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1025. Л. 5, 38.
7. Не предать забвению: Книга памяти репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов, связанных судьбами с Ярославской областью / сост. В. П. Голиков, В. А. Виноградов. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1993. Т. 1. 432 с.
8. Крестьянское дело. Ярославль. 1917. 20 мая.
9. Народное дело. Ярославль. 1917. 18 ноября.
10. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-1431. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.
11. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-С3698. Оп. 2. Д. С-15871. Л. 4.
12. Не предать забвению: Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью / сост. В. П. Голиков, В. А. Виноградов. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1994. Т. 2. 477 с.
13. Государственный архив Ярославской области. Ф. 906. Оп. 4. Д. 801а. Л. 14.
14. Крестьянское дело. Ярославль. 1917. 28 июля.
15. Голос. Ярославль. 1917. 19 авг.
16. Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области. Ф. 394. Оп. 5. Д. 22. Л. 101.
17. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-С3698. Оп. 2. Д. С-8722. Л. 4 об.
18. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-С3698. Оп. 2. Д. С-11927. Л. 1, 3.